

УТВЕЖДАЮ

Директор ИФЛ СО РАН

член-корреспондент РАН, д. филол. наук

И. В. Силантьев

«1» сентября 2022 г.

М. П.

Отзыв

ведущей организации Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской Академии наук о диссертации Александра Викторовича Волкова «“Келейный летописец” Дмитрия Ростовского: источники текста и принципы работы автора», предоставленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертация Александра Викторовича Волкова посвящена комплексному рассмотрению сочинения святителя Дмитрия Ростовского «Келейный летописец», итоговому труду святителя, в котором со всей полнотой отразились его научные интересы и писательские стратегии. В ходе исследования диссертантом был привлечен обширный материал для воссоздания истории памятника, установления источников и принципов работы автора.

Актуальность предпринятого А. В. Волковым исследования определяется назревшей необходимостью пересмотра сложившейся за памятником репутации компилятивного сочинения и характером заимствований в нем.

Цель диссертационного исследования – установление источников «Келейного летописца», анализ того, какого рода трансформации подвергались заимствования и какие задачи выполняли (с. 10-11). Достижение цели было разбито на ряд задач: проследить историю создания памятника и его дальнейшее бытование, выявить его западноевропейские латиноязычные источники, проследить особенности использования заимствованного материала, установить источники цитат и отсылок к писаниям Отцов Церкви и другим сочинениям, установить принципиальные сходства и различия между «Келейным летописцем» и сочинениями, которые послужили для него источниками (с. 11). Методология исследования базируется на работах в области медиевистики, применен

системный подход – источниковедческий, текстологический, сравнительно-исторический (с. 13).

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. Список литературы насчитывает 133 пункта, помимо исследований и справочной литературы на английском, немецком, итальянском и польском языках, в него входят 55 рукописных и 77 печатных источников (из них 48 на латинском и 3 на польском языках), которые диссертант использует в своем исследовании.

Во введении ясно и подробно охарактеризованы актуальность работы, ее научная новизна, практическая значимость, конкретные задачи, которые решались диссертантом на протяжении исследования. Обозначен материал, методы исследования, описаны структура и апробация работы, выносимые на защиту положения, указаны научные публикации автора по теме научного исследования (7 статей). Сделан обзор научных работ по теме исследования, который показывает недостаточную изученность источников «Келейного летописца» и методов работы Дмитрия Ростовского.

Первая глава посвящена воссозданию истории замысла, воплощения и бытования «Келейного летописца». Диссертантом реконструируются этапы рождения замысла и его реализации: от интереса Дмитрия Ростовского к вопросам библейской хронологии до желания создать труд для узкого круга лиц, который бы восполнил «лакуну, вызванную отсутствием на русском языке толкований на ветхозаветные книги» (с. 25). Для уточнения времени замысла и этапов работы над «Келейным летописцем» диссертантом привлечены к работе письма Дмитрия Ростовского. Диссертант обоснованно выдвигает предположение о том, что составленный в 1705-1706 гг. Дмитрием Ростовским перечень исторических книг своей библиотеки, «может косвенно свидетельствовать о появлении ... замысла создать ... “русский аналог” хорошо знакомых ему западноевропейских сочинений подобного характера» (с. 29-30).

Для воссоздания картины бытования «Келейного летописца» в рукописной традиции диссертантом проделана огромная работа по выявлению списков памятника и определению их соотношения с авторизованными рукописями. Изучение сохранности латинских маргиналий в списках приводит диссертанта к выводу о том, что бытование «Келейного летописца» «наглядно показывает различный уровень эрудиции и образованности как переписчиков, так и читателей» (с. 36-37).

Исследование вопроса о печатной истории памятника приводит диссертанта к заключению, что «на рукописных источниках были основаны только первые два издания

памятника, все последующие перепечатки восходили ко второму изданию» (с. 52). А. В. Волковым был установлен список, который лег в основу второго издания, осуществленного В. С. Сопиковым в 1796 г.

Во второй главе раскрыты источники для представления в «Келейном летописце» библейской истории и уточнен характер обращения с заимствованным материалом. Наблюдения приводят диссертанта к важнейшему выводу о том, что обращение с фактическим материалом и структура маргиналий выстроены Дмитрием Ростовским в соответствии «четкой “иерархией источников”», исходя из нее святитель решает спорные вопросы достоверности (с. 75). Внимания заслуживает следующее замечание диссертанта об отношении к источникам Дмитрия Ростовского: «отчетливо просматривается оппозиция между «богословцами» (католическими теологами Нового времени) и «древнейшими» (очевидно, имеются в виду Отцы Церкви). В том случае, когда «богословцы» расходятся с «древнейшими» по одним и тем же вопросам, святитель безоговорочно разделяет позицию вторых» (с. 59-60). Сопоставление источников и соответствующих фрагментов «Келейного летописца» приводит диссертанта к обоснованному выводу: «...при изложении Священной истории ... Дмитрий Ростовский использует различные западноевропейские сочинения ... Однако при этом он сохраняет самостоятельность: все заимствованные сведения он подвергает тщательному сопоставлению и критическому анализу. Сочинения западноевропейских богословов в значительной мере служили для него источником, с помощью которого он знакомился с выдержками из недоступных ему непосредственно сочинений отцов церкви, имевших для него больший авторитет, нежели католические и протестантские теологи. Ситуация, когда более авторитетный источник становился известен через посредство менее авторитетного, при всей своей парадоксальности характеризует особенности передачи книжных знаний в России рубежа XVII—XVIII вв.» (с. 129)

Чрезвычайно ценным представляется предположение диссертанта о возможном влиянии результатов работы над библейской хронологией Дмитрия Ростовского на деятельность единомышленников и корреспондентов святителя по исправлению текста Библии (с. 84). Замечательной находкой диссертанта представляется убедительно доказанная версия о том, что упомянутый в «Росписи книг келейных» «Летописец, с Печерского списанный» «представляет собой список Густынской летописи» (с. 101).

Третья глава диссертации посвящена тому, как отражена в «Келейном летописце» история государств Древнего Востока. Анализ использования Дмитрием Ростовским

материалов по «внешней истории», заимствованных из сочинений западноевропейских авторов приводит А. В. Волкова к справедливому заключению: «святитель не уделяет значительного внимания датировке этих событий, хотя у авторов, к которым он обращался, они датируются с точностью до года, отказывается от обычного для европейской традиции отождествления восточных царей с античными богами, не излагает эти события подробно и последовательно, но представляет их в качестве набора эпизодов, освобождает от избыточных, по его мнению, подробностей и иногда видоизменяет, что обусловлено прежде всего дидактическими целями» (с. 169).

Большую значимость имеет выявление диссертантом всех источников для отдельных фрагментов повествования, сопоставление даваемых ими сведений и их трансформации в «Келейном летописце», которое приводит к пониманию творческой лаборатории Димитрия Ростовского (с. 134-135, 152-154, 156-158, 161-162).

Четвертая глава посвящена использованию Димитрием Ростовским античной мифологии, литературы, истории и философии. Диссертант убедительно показал, что внимание автора к античности было обусловлено задачей прояснить контекст житий раннехристианских мучеников, библейских событий, а также стремлением показать «нечестие эллинских басен» и «прославить христианскую веру» (с. 171-172, см. также с. 198). В то же время диссертант видит в этом внимании к античности общую тенденцию петровского времени, когда «античное наследие перестает быть достоянием узкого круга интеллектуалов и начинает проникать в повседневную (разумеется, дворянскую) культуру» (с. 171). Анализируя интерпретации античного наследия Димитрием Ростовским А. В. Волков приходит к выводу о том, что его оценка находится в русле научной традиции предшественников - западноевропейских историографов (с. 170, 185). Относительно использования античной философии диссертант замечает, что Димитрий Ростовский ее «использует довольно скупо по сравнению со своими источниками, где изречения древних мудрецов представлены в изобилии; в известной степени эти обращения можно считать своеобразной данью европейской книжной традиции, на которую ориентировался святитель; но в целом за нравоучительными высказываниями он предпочитает обращаться к христианским авторам» (с. 203).

Чрезвычайно ценными представляются высказанные диссертантом наблюдения над пометами в списке перевода «Метаморфоз» Овидия, принадлежавшем Димитрию Ростовскому, в их соотношении с «Келейным летописцем» (с. 173-178). Диссертант приходит к важному заключению: «В целом следует признать, что обращение к «Метаморфозам» Овидия, на рубеже XVII–XVIII вв. имевшим репутацию важнейшего

источника по античной мифологии, для Дмитрия Ростовского в значительной степени было своеобразной данью приличиям: писать о древнегреческих богах и не ссылаться на Овидия в то время было невозможно. Однако как иерарх православной церкви Дмитрий Ростовский подходил к наследию языческого автора с большой осторожностью и избирательностью, предпочитая при изложении античной мифологии руководствоваться сочинениями христианских писателей и постоянно сверяясь с церковной литературой — Священным Писанием и житиями святых» (с. 184).

В отношении всего диссертационного исследования, большого внимания заслуживают наблюдения А. В. Волкова над литературным стилем Дмитрия Ростовского, риторическими приемами, тяготеющими к барочной поэтике (например, с. 68, 114, 115-116, 116-118, 126). Представленный диссертантом анализ художественной ткани повествования «Келейного летописца» подтверждает тезис о том, это сочинение «отнюдь не является механическим соединением заимствованием фрагментов: Дмитрий Ростовский тщательно отбирает сведения, предоставляемые различными источниками, и на основе довольно сухих и лаконичных хронологических записей и энциклопедических справок создает красочное и увлекательное повествование» (с. 177-178). Это позволяет сделать А. В. Волкову принципиальный вывод о том, что при «создании «Келейного летописца» Дмитрий Ростовский реализовал принцип «поучать и развлекать»: ясное и доступное изложение священной истории перемежается у него выразительными и экспрессивными дидактическими фрагментами. Поэтому стилистически «Келейный летописец» существенно отличается от своих источников, в которых события священной и светской истории излагались и комментировались довольно сухим и бесстрастным тоном» (с. 206-207).

Особенно хотелось бы отметить внимание диссертанта к вопросу о том, на каких читателей ориентировался Дмитрий Ростовский. Соотношение маргиналий и построение основного текста приводят А. В. Волкова к выводу о том, что митрополит предполагал для своего труда «читателей разного уровня: если снабженное ссылками на латинских авторов рассмотрение хронологических несоответствий между источниками предназначалось для образованного, эрудированного читателя ... то само последовательное изложение библейских событий было ориентировано на читателя менее просвещенного, из низшего духовенства или мирян, которому важнее было разобраться хотя бы в самом порядке следования библейских событий» (с. 77, см. также с. 113, с. 137). Кроме того, диссертант обращает внимание на то, что фрагменты «Келейного летописца» обращены дидактически

не только к пастве, но окормляют священнический чин: «Столь подробное описание обычаев языческих жрецов в «Келейном летописце», по всей видимости, преследует назидательную цель и адресовано православным священнослужителям. В своих проповедях и поучениях ростовский митрополит неоднократно рассуждал о личностных и пастырских добродетелях, необходимых для служителя церкви ... изобразив порядки ... у древних языческих жрецов, святитель сопоставляет эти порядки с современным ему состоянием православного духовенства» (с. 155).

В Заключении подведены итоги проделанной научной работы.

Предпринятое А. В. Волковым исследование сочетает тщательное выявление источников «Келейного летописца» с тонким анализом трансформаций, которым подвергает Дмитрий Ростовский заимствуемый материал. Нельзя не отметить общую филологическую культуру, широкую эрудицию, прекрасное знание богословских (от раннехристианских до Нового времени) и историографических трудов XVI-XVII вв., а также исключительную языковую подготовку диссертанта, который решил в ходе своего исследования столь сложные задачи для комплексной характеристики «Келейного летописца».

Представленные результаты достоверны и содержат новые данные о характере использования при составлении «Келейного летописца» западноевропейских источников и писательском методе Дмитрия Ростовского.

Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении русского литературного процесса XVIII в., в образовательных курсах высших учебных заведений и при подготовке научных изданий трудов Дмитрия Ростовского. Исследование А. В. Волкова – законченная цельная работа, отличающаяся единством и логикой подхода к материалу, композиционной стройностью и ясностью изложения.

Выносимые на защиту научные положения не вызывают возражений. Поэтому, прежде всего, хотелось бы предложить вопросы, которые продолжают заложенные в исследовании А. В. Волкова темы. Во-первых, хотелось бы отметить, что по тексту диссертации разбросаны очень интересные замечания о связи «Келейного летописца» с другими трудами святителя (Четии-Минеи, полемическое сочинение о старообрядчестве). В связи с этим видится, что эта тема может быть распространена в отношении других произведений Дмитрия Ростовского: хотелось бы уточнить, какие перспективы видит в этом направлении А. В. Волков. Второй вопрос касается назревшей необходимости в научном издании «Келейного летописца» - какие особенные задачи и способы их решений видятся А. В. Волкову при подготовке такого рода издания.

Диссертация и автореферат соответствуют требованиям Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присуждения научным работникам ученых званий. Автореферат отражает основные положения диссертационного сочинения. Идеи работы представлены в 7 научных статьях, три из которых в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация Александра Викторовича Волкова является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и соответствует всем критериям, установленным в п.п. 9-14 главы II действующего «Положения о порядке присуждения ученой степени» от 24 сентября 2013 года, № 842 (в новой редакции от 01.10.2018). Автор диссертации Александр Викторович Волков заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв составлен ведущим научным сотрудником, кандидатом филологических наук ИФЛ СО РАН Любовью Александровной Курышевой. Отзыв обсужден и утвержден на заседании сектора литературоведения 01.09.2022 г., протокол № 12.

Заведующий сектором литературоведения ИФЛ СО РАН

член-корреспондент РАН,

доктор филологических наук, профессор

И. В. Силантьев

